

В последующие недели дни Лифа следовали строгому распорядку.

Днём, когда его пеленали, он сосредоточивался исключительно на упражнениях дыхательной техники и узнавал как можно больше о своей семье и её языке.

Ночью он практиковался в магии, пока изнеможение не погружало его в сон. Просыпаясь, он снова принимался за дело, пока Элина не вставала с постели.

Не раз он пытался отдохнуть, но все эти попытки терпели неудачу. Быть младенцем было непросто и, наоборот, очень напряжённо.

Он не умел говорить, даже те слова, которые уже понимал, чтобы не напугать своих родных. Он не мог двигаться, он ничего не мог делать, кроме как смотреть, спать, есть и испражняться.

Лиф не привык быть таким беспомощным и зависимым от кого-то в любой мелочи. Слишком много свободного времени сводило его с ума.

Поэтому он продолжал тренироваться, пытаясь принять свою новую реальность, не задумываясь о том, насколько нелепым и абсурдным было его положение.

По мере роста силы Лита росло и его мастерство, и через несколько недель он почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы попробовать магию земли и воды.

Он всегда был осторожен, никогда не вызывая больше нескольких капель воды или не управляя горсткой грязи. Он обнаружил, что можно заставить элементы парить в воздухе, изменяя их форму и размер, непрерывно расходуя ману.

После этого он переключил свои ночные тренировки с силы на сосредоточение и контроль. Его мана была очень ограничена, и он предпочел бы идеально выполнять несколько сложных трюков, чем делать массу других, рискуя раскрыть себя.

Несмотря на всю распространенность магии, Лит сомневался, что младенец, практикующий ее, вызовет меньше шока или даже ужаса.

Лит боялся, что его семья бросит его или, что еще хуже, убьет.

Он снова испугался смерти, потому что теперь ему было что терять. Какова вероятность найти другой мир, где существует магия, родиться младенцем в любящей семье?

Ноль, ничто, пустота, ни шиша.

Ему нужно было грамотно выложить свои карты и прижать их к груди как можно сильнее. Прежде чем намекнуть на свой талант, необходимо было узнать, каковы в этом мире стандарты.

Какой уровень таланта считался достойным? Где пролегла грань между гением и чудовищем?

В его голове постоянно роились беспокойные мысли, и лишь тренировки приносили ему

облегчение.

Через три месяца он настолько преуспел в безмолвной магии, что взялся за заклинания огня у камина.

Огонь уже был разведён, и, пока все во время завтрака были заняты едой и разговорами, он попытался силой мысли заставить пламя плясать. Затея окончилась провалом, поскольку огонь был слишком сильным, а расстояние для его маны слишком большим, чтобы она хоть как-то воздействовала.

Но он продолжал пытаться, поскольку всё ещё чувствовал, как магия исходит от него к камину, что было хорошей тренировкой для развития его чувствительности и дальности маны.

Единственным недостатком всех этих тренировок было то, что Лит начинал быстрее голодать. К счастью, он был не первым прожорливым ребенком у Элины, и у нее было вдоволь молока.

Прошел еще месяц, и Элина начала отлучать его от груди.

Это событие было значимым по двум причинам. Во-первых, Лит заметил, что еды в его доме было не так много, и хотя у него все еще не было богатого словарного запаса, он мог читать взволнованные выражения лиц своих родителей всякий раз, когда ему нужно было покормить.

Несмотря на то, что в глубине души он все еще был хладнокровным, циничным мизантропом, Лит не мог не чувствовать себя виноватым.

Они любили его как своего ребенка, в то время как он считал их не более чем хозяевами, как паразит. Единственными исключениями были Элина и Элиза, его старшая сестра, единственная, кто вместе с матерью заботилась о нем.

Постоянная любовь, привязанность и забота ломали его эмоциональный оборонительный щит. Чем больше времени он проводил с ними, тем больше он стал воспринимать их частью своей семьи, а не просто людьми, которых он вел за нос.

Поэтому он начал сокращать тренировки, чтобы они не превосходили количество еды, которую они могли себе позволить.

Для этого потребовалось довольно много попыток, чтобы найти подходящий объем, поскольку слишком мало вызывало даже большее беспокойство, чем слишком много.

Второй причиной стали меняющиеся мир открытия.

Поскольку Литу пришлось максимально прекратить магические тренировки, у него появилось свободное время, которое он стал посвящать отработке техники дыхания, которую он окрестил "Накопление".

Таким образом, его внутренняя энергия, которую он давно окрестил "ядром маны", росла быстрее, пока не уперлась в ограничение.

Очевидно, его тело было не настолько велико или сильно, или и то, и другое сразу, чтобы

вместить неограниченное количество маны. Раньше Лит никогда не замечал этого, потому что его детское тело росло стремительно, и у него было достаточно времени для расширения мана-ядра.

Итак, сам того не осознавая, его тело и мана-ядро развивались вместе.

Но теперь баланс был нарушен, и практика накопления заставляла каждую клеточку его тела ныть, так что ему пришлось остановиться.

К счастью, он по-прежнему хорошо питался и быстро развивался, поэтому, несмотря на невозможность совершать физические упражнения, застои длились недолго.

Вторым открытием стало следствие того, что он вынужден был не практиковать магию и не использовать накопление.

Изучая состояние своего застоя, он выяснил, что можно модифицировать технику дыхания, убрав шаг с задержкой дыхания. Таким образом, энергия мира будет просто втекать и вытекать из его тела, оживляя его, как хороший ночной сон.

Лит назвал эту новую технику «Оживление».

После нескольких попыток он обнаружил, что мана мира может позволить ему не спать в течение нескольких дней, но не бесконечно.

Всякий раз, когда он использовал "Освежение", его бодрящий эффект был все меньше и меньше, и только сон восстанавливал его эффективность.

Но самое важное открытие, как это почти всегда бывает, было сделано случайно.

После корректировки рациона питания самым злейшим врагом Литы стал голод. Не легкий аппетит, который можно утолить батончиком, или тяга к еде после голодного утра.

Это был такой голод, который никогда не проходит, всегда скрывается, даже сразу после еды. Даже без того, чтобы голодать, Лит никогда не испытывал ничего подобного.

Даже среди всех несчастий его первой жизни еда никогда не была проблемой. Он всегда мог есть от души, даже позволяя себе быть разборчивым в еде.

Но сейчас он был настолько голоден, что съел до последней крошки, и если бы его тело позволило, он бы не раздумывая вылизал бы тарелку дочиста.

Во время хороших дней, когда порции были больше, это было похоже на белый шум, раздражающий, но легко игнорируемый. Но во время плохих дней, либо из-за того, что порции были меньше, либо из-за того, что он потерял себя в практике магии, потребляя слишком много маны, это превращалось в шип в его голове. Он был настолько голоден, что у него весь день болела голова, часто он чувствовал головокружение и неспособность сосредоточиться. Еда была единственным, о чем он думал или мечтал.

Конечно, он был не единственным голодным в семье. Кроме Элины, только его брат и сестра

Орпал и Элиза должны были кормить его.

И тогда, как у Элизы было большое сердце, и она стремилась быть похожей на мать, Орпал был более сердитым и голодным с каждым днем. Он часто мечтал о временах, когда он и его близнец были единственными детьми в доме.

Теперь ему приходилось бороться каждый день не только за внимание родителей, но и за еду, одежду и все остальное.

Когда-то у него была своя комната, но теперь он должен был делить ее с Трионом. И это было только вопросом времени, когда Лита придет и отнимет у него и то небольшое личное пространство, которое у него еще осталось.

Орпэл не мог понять, зачем такая бедная семья, как его, рождает все больше детей.

Была зима, а значит, работы не было. Следовательно, было мало возможностей пополнить запасы продовольствия, и они должны были продержаться до весны.

Это было самое тяжелое время года для всех фермерских семей, поскольку еды хватало не только людям, но и животным.

Орпэл устал от того, что Лита поглощает всю еду, и даже прозвал его "Пиявкой".

Поэтому, когда приходила его очередь кормить маленькую негодяйку, он брал себе несколько ложек. Но Литу было не так-то просто запугать.

Заметив, что ложка направлена мимо него, он немедленно истошно разражался плачем, и Элина тут же бросалась ему на помощь, срывая планы Орпала.

Лит никогда не плакал, если только ему не требовалось кормление или смена подгузника, и это одновременно радовало и пугало его родителей. Поскольку он никогда не поднимал напрасного крика, они воспринимали каждый его плач очень серьезно.

В тот день Лит чувствовал себя особенно скверно: он ужасно проголодался из-за своего роста, а присматривать за ним должен был Орпал.

Родители ушли, так как у одной из коров, казалось, началось обморожение.

Поэтому Орпал взял тарелку с кремовым супом для малыша и зачерпнул полную ложку.

Лит немедленно заплакал, но некому было его услышать.

"Плачь сколько хочешь, пиявка". Теперь Лит мог понимать большинство обычных слов, включая издевательства Орпала. "Сегодня мы с тобой наедине. Никакая мама в сияющих успехах не придет тебе на помощь". С этими словами он проглотил еще одну ложку.

Лита захлестывало безумие. Он вновь был беспомощен, его так называемая магия оказалась бесполезной в нужный момент. Что он мог сделать, кроме того, чтобы снять маску?

Сделать ему искусственное дыхание? Обмочить? Использовать огонь было слишком опасно, ради одной порции еды не стоило жечь дом.

Голод терзал Лида, и его ярость достигла невиданных прежде высот.

"Чтоб тебя!" - мысленно выкрикнул он. - "Так круто грабить ребенка?"

А затем он увидел, как третья ложка с его едой, составляющая добрую половину его порции, отправилась в самодовольное лицо Орпала.

Гнев Лида достиг апогея, его ненависть горела, словно огонь.

"Ты не мой брат!" - мысленно закричал он. - "Ты жалкий вор, мусор!" И вдруг, раздался щелчок, он ощутил, будто внутри него что-то сломалось, как плотина, что более не может сдерживать бушующие воды.

"ЗАДАВИСЬ ЭТОЙ ЛОЖКОЙ, ДЕРЬМО!" - Лита взмахнул рукой в бесполезной попытке остановить Орпала, и тут это произошло.

Лит почувствовал, как мана выходила из его тела, достигала ложки, уже лежащей во рту Орпала, и с силой проталкивала ее внутрь.

Орпал начал задыхаться, и, вытащив ложку из его горла, начал плевать.

Лит был так ошеломлен, что почти забыл и о своей ярости, и о голоде.

Он обнаружил нечто чудесное, силу, которой, казалось, не было ни у кого другого в его семье.

Лит обнаружил магию духов!

<http://tl.rulate.ru/book/4224/126559>